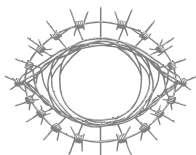

> МАГИСТРАЛЪ >

ЖОЗЕ САРАМАГО

Слепота

Москва

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Пор)-44
С20

José Saramago
ENSAIO SOBRE A CEGUEIRA

Copyright © Jose Saramago & Editorial Caminho, SA,
Lisboa-1991. Published by arrangement with Dr. Ray-Gude Mertin,
Literarische Agentur, Bad Homburg, Germany

Перевод с португальского *Александра Богдановского*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Сарамаго, Жозе

С20 Слепота / Жозе Сарамаго ; [перевод с португальского
А. Богдановского]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. —
(Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-216033-2

Жозе Сарамаго — португальский писатель и лауреат Нобелевской премии. Его романы наполнены магическим реализмом и читаются как сказки для взрослых.

Нулевой пациент внезапно слепнет, остановившись на светофоре. Сердобольный гражданин довозит его до дома и угоняет машину. На следующий день врач проверяет глаза ослепшего и не понимает, в чем причина. Через несколько часов белая слепота настигает вора, затем доктора, а потом и всех, кто контактировал с ними. Пандемию не остановить. Только жена врача не теряет зрение. Но это проклятие, а не благословение. Она увидит, как люди потеряют человеческий облик, как грязь поглотит город и как проблеснет луч надежды...

Слепота моральная становится слепотой физической. Авторский стиль писателя — отсутствие выделения прямой речи, восклицательных и вопросительных знаков — заставляет читателя потерять привычные ориентиры и в аллегорическом смысле погрузиться в слепоту.

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Пор)-44

ISBN 978-5-04-216033-2

© Богдановский А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается Пилар
И моей дочери Виоланте*

Могущий смотреть да увидит.
Могущий видеть — да заметит.

Книга Наставлений

Загорелся желтый. Два первых автомобиля, поддав газу, успели проскочить, пока не вспыхнул красный. Человеческая фигурка на пешеходном светофоре высветилась зеленым. Те, кто стоял на тротуаре, двинулись через дорогу по широким белым стежкам, продернутым в черной асфальтовой ткани, менее всего на свете напоминают они зебру, однако называются именно так. Нетерпеливые водители, то выжимая, то отпуская педаль сцепления, не давали своим машинам покоя, и те чуть поерзывали вперед-назад, нервно подрагивали, как кони при виде хлыста. Пешеходы уже прошли, но сигнал, именуемый разрешающим, появился лишь через несколько секунд, укрепляя кого-то во мнении, что именно эта заминка, которая кажется столь незначительной, умножившись на тысячи светофоров по всему городу, постоянно чередующих свои три цвета, и есть главная причина тугой закупорки уличных артерий, пробок, проще говоря.

Наконец дали зеленый, машины резво и резко рванулись вперед, но, как тотчас выяснилось, не все. Первая в среднем ряду стоит, как стояла, должно быть, какая-то неприятность случилась, обычное дело: сдох акселератор, гидравлика накрылась, заело что-нибудь в коробке передач, заклинило тормозные колодки или отошел контакт, а может, просто бензин кончился. Новое скопление пеше-

ходов, образующееся на тротуарах, видит, как за лобовым стеклом размахивает руками водитель, слышит, как истошно сигналият ему задние. Одни уже выскочили на мостовую с намерением оттолкать застрявшую машину с проезжей части на обочину, другие стучат негодуяще в поднятые стекла, а человек за рулем вертит головой туда-сюда, кричит что-то, и по шевелению его губ можно понять, что он повторяет одно и то же слово, нет, не одно, а два — два, что подтвердится, когда удастся наконец распахнуть дверцу: Я ослеп.

А так не скажешь. На вид, то есть на первый и неизбежно в таких обстоятельствах беглый взгляд, оба глаза у него целы и невредимы, радужка блестящая и светлая, склеры белые и плотные, как фарфор. А что веки широко открыты, кожа на искаженном лице собралась складками, брови вздернуты — так это, всякому понятно, от ужаса. И вот уже все, что было открыто взглядам, исчезло за стиснутыми, прижатыми ко лбу кулаками, словно призванными удержать в мозгу последнее, что видел водитель, — красный круглый глаз светофора. Я ослеп, я ослеп, твердит он в отчаянии, покуда доброхоты помогают ему выбраться из машины, и от брызнувших слез глаза, объявленные незрячими, блестят сильнее. Это пройдет, вот увидите, скоро пройдет, так бывает, это у вас нервное, сказала какая-то женщина. Меж тем свет на светофоре поменялся, и не вовремя заглохшую машину обступили теперь еще и пешеходы, тогда как не ведавшие сути события водители в задних рядах возмущались мелким, как мнилось им издали, дорожным происшествием, повлекшим за собой последствия не серьезней разбитой фары или поцарапанного крыла и никак не заслуживающим такого столпотворения. Вызовите полицию, кричали они, уберите же этот драндулет. Отвезите меня домой, умолял слепец, а женщина, уверявшая, что это у него нервное, высказалась в том смысле, что вызвать следует «Скорую помощь» и доставить несчастного в больницу, однако

тот твердил, что нет-нет, не надо, и просил всего лишь, чтоб проводили до дверей дома. Тут рядом, в двух шагах, пожалуйста, вы окажете мне большую услугу. А машина, раздался чей-то голос. И другой ответил: Ключ в замке, надо отогнать к бордюру или поставить на тротуар. Нет, прозвучал третий голос, я сяду за руль и отвезу его домой. Послышался ропот одобренья. Слепец почувствовал, как его взяли под руку. Идемте, идемте со мной, произнес тот же голос. Усадили справа от водителя, пристегнули. Не вижу, не вижу, повторял он сквозь слезы. Адрес скажите, попросил человек за рулем. К стеклам с обжорливо-жадным любопытством липли лица зевак. Слепец поднял руки к глазам, подвигал кистями, пошевелил пальцами. Ничего не вижу, сплошной туман, как в молоке плаваю. Значит, не слепота, отозвался водитель, слепота, говорят, когда перед глазами все черно. А у меня все белое. Может, та дамочка была права, и это у вас нервное, нервы — вещь такая. Да мне ли не знать, боже, какое несчастье. Скажите, пожалуйста, где вы живете, и в тот же миг заурчал мотор. Запинаясь, сбиваясь и оговариваясь, словно потеря зрения лишила его и памяти, слепец назвал адрес, потом добавил: Не знаю, как вас благодарить, а водитель ответил: Да ну, какие пустяки, сегодня вы, завтра я, и кто может знать, что его ждет. Вы правы, правы, мог ли я подумать, когда выходил утром из дому, что со мной стряется такая беда. И, удивленный тем, что машина не движется, спросил: А почему мы стоим? Красный, был ответ. А-а, протянул слепец и заплакал еще горше. Отныне и впредь он лишился способности следить за переключениями светофора.

Как и сказал слепец, дом его был неподалеку. Но вереница машин вдоль тротуара вытянулась плотно, не приткнешься, так что пришлось свернуть в переулок, поискать место там. Нашли и поставили совсем вплитирку к стене, левым боком, чтобы слепцу не надо было в тоске и ужасе перебираться с одного кресла на другое, причем рычаг пе-

реключения скоростей и рулевое колесо будут ему в этом всячески препятствовать. Но зато он должен выйти первым. И вот он вышел и в растерянности замер посреди улицы, чувствуя, как земля уходит из-под ног, и силясь сдержать рвущееся из горла отчаянье. Взмахнул руками, будто и в самом деле решил пуститься в плавание по этому молочному морю, о котором недавно говорил, и открыл уже было рот, чтобы позвать на помощь, но в этот самый миг его чуть тронули за локоть: Успокойтесь, я здесь. Они двигались очень медленно, слепец, боясь упасть, волочил ноги, шаркал подошвами, почти не отрывая их от мостовой, но оттого спотыкался на самой незначительной выбоине. Потерпите немножко, мы уже почти пришли, сказал провожатый и, сделав еще несколько шагов, осведомился: А дома-то есть кому за вами приглядеть, слепец же ответил: Не знаю, жена, наверно, еще не вернулась с работы, это я сегодня освободился пораньше, и надо же такому случиться. Помяните мое слово, скоро пройдет, я никогда не слышал прежде, чтоб человек слеп так вот, вдруг. А я еще гордился, что в моем возрасте не нуждаюсь в очках. Тем более. Они уже добрались до дверей, и две женщины с любопытством наблюдали за тем, как их соседа ведут под руку, но ни одной не пришло в голову спросить: Что-нибудь в глаз попало, и спрошенному не пришлось отвечать: Да не в глаз, а сам я попал в молочное море. Уже в подъезде слепец сказал: Большое вам спасибо, и простите за беспокойство, дальше уж я сам как-нибудь. Нет-нет, я поднимусь с вами, удостоверюсь, что все в порядке. Втиснулись кое-как в тесную кабину лифта. Какой этаж. Третий, представить себе не можете, как я вам признателен. Совершенно не за что, сегодня вы. А завтра я. Лифт остановился, они вышли на площадку. Помочь вам отпереть дверь. Спасибо, думаю, с этим я справлюсь. И, вытащив из кармана связку ключей, принялся ощупывать одну за другой бородки у каждого, потом сказал: Вот этот, кажется, и, левой рукой, кончиками пальцев нашарив за-

мочную скважину, правой вставил ключ. Не тот. Давайте я. Дверь отворилась с третьей попытки. Э-эй, ты дома, позвал слепец. Никто не отозвался, и, пробормотав: Так я и думал, еще не пришла, вытянул руки и ощупью двинулся по коридору, потом осторожно обернулся, повернул голову туда, где, по его расчетам, должен был находиться провожатый, сказал: Не знаю, как вас и благодарить. Вам не за что меня благодарить, я просто выполнил свой долг, ответственвал добрый самарянин и добавил: Может быть, помочь вам устроиться поудобней, посидеть с вами, пока жена ваша не придет. Но столь рьяная забота внезапно показалась хозяину подозрительной, и не оставлять же, в самом деле, у себя дома совершенно постороннего человека, который, может быть, в этот самый миг размышляет, как бы половчей обратить беззащитного слепца, связать его, заткнуть ему рот, да и обчистить квартиру. Нет-нет, пожалуйста, не беспокойтесь, все хорошо, и, медленно закрывая дверь, повторил: Не нужно, не нужно.

И перевел дух, когда лифт с гудением пошел вниз. Совершенно безотчетно, не помня, в каком состоянии находится, откинул крышечку, приник к дверному глазку. Показалось, что взгляд уперся в глухую белую стену по ту сторону двери. Он чувствовал, как прикасается к орбите металлический ободок и щекочет ресницы маленький окуляр, но не видел ни того, ни другого — все закрывала непроницаемая белизна. Он знал, что находится у себя дома, узнавал этот дом по запаху, по воздуху, по тишине, различал мебель и прочие предметы, когда легко, едва касаясь, проводил по ним пальцами, но в то же время чудилось, будто все это растворяется, переходит во что-то вроде нового измерения, где нет направлений и соотношений, севера и юга, верха и низа. Как и все, наверно, в отрочестве он забавлялся, представляя себе, что ослеп, и, проведя минут пять с закрытыми глазами, каждый раз убеждался, что слепота — несчастье хоть и ужасное, однако до известной степени переносимое, если, конечно,

настигло жертву не при рождении, и в памяти сохранились не только цвета и краски, но и формы, очертания, рельефы. В ту пору он думал даже, что тьма, в которой обречены жить слепцы, есть не более чем простое отсутствие света и так называемая слепота всего лишь прячет наружность предметов и людей под своим черным покрывалом, сохраняя их недоступными, неприкосновенными. Теперь же, напротив, погрузившись в эту ослепительную и всеобъемлющую белизну, он чувствовал — она не поглощает, а просто-таки пожирает не только цвета, но и сами предметы, равно как и людей, делая их невидимыми вдвойне.

Хотя слепец двигался по гостиной с благоразумной медлительностью, ведя блуждающей рукою вдоль стены, он все же смахнул на пол неожиданно возникшую на пути вазу с цветами. Сам ли он позабыл о ней, жена ли оставила перед уходом, чтобы по возвращении водрузить ее на подобающее место, — неизвестно. Он наклонился, ощупью оценивая размеры ущерба. Вода лужицей стояла на вощеном полу. Слепец решил подобрать цветы, но не подумал об осколках и один, длинный и очень тонкий, тотчас засадил себе в палец, отчего, то есть от боли и потерянности, ослепленный белизной, заполонившей дом, где между тем с наступлением вечера стужались сумерки, снова расплакался, как ребенок. Не выпуская цветов, чувствуя, как сочится кровь, он, изогнувшись всем телом, запустил здоровую руку в карман, исхитрился вытащить платок, обернул им, как сумел, палец. Потом, ощупывая дорогу, спотыкаясь, огибая мебель, ступая осторожно, чтобы не запнуться ногой о ковер, добрался до дивана, где они с женой смотрели прежде телевизор. Уселся, положил цветы на колени и очень осторожно размотал платок. Встревожился, что кровь такая липкая, подумал, наверно, это оттого, что не видна, стала она чем-то бесцветным и вязким, чужеродным и посторонним, принадлежащим ему и, вместе с тем, — подобным

угрозе, от него исходящей и на него же направленной. Медленно-медленно, едва касаясь, здоровой рукой нашупал тонкую стеклянную занозу, острую, как крошечный клинок, ухватил ее ногтями большого и указательного пальцев и, не сломав, выдернул всю целиком. Снова обмотал поврежденный палец платком, стянул потуже, чтобы унять кровь, и в изнеможении, будто капитулировав, откинул голову на спинку дивана. Уже очень скоро из-за одного из тех сбоев, которые нередко дает наша плоть в минуты отчаянья или тоски, хотя по формальной логике именно тогда нервам полагалось бы напрячься и быть настороже, он впал в какое-то забытье, не такое глубокое, как сон, но столь же тяжелое. И тотчас же приснилось ему, что он играет в давнюю вышеупомянутую игру, что открывает и закрывает глаза и всякий раз, будто вернувшись из дальних и долгих странствий, обнаруживает, что вокруг незыблемо и неколебимо ожидают его черты и краски привычного мира. Но он чувствует, как успокоительную непреложность точит и размывает глухое сомнение: быть может, все это только лживый сон, от которого он рано или поздно очнется, не зная, впрочем, что за явь будет ждать его. Затем, а собственно говоря, за чем за тем, и можно ли назвать этим словом то, что длилось всего несколько мгновений, он уже вернулся в состояние полубодрствования, которое подготавливает пробуждение, и очень основательно рассудил, что нехорошо пребывать в подобной нерешительности на грани сна и яви, яви и сна, пора делать выбор, пришел срок рискнуть и смело спросить себя: А что я тут делаю, с цветами на коленях и с закрытыми глазами, которые вроде бы опасаясь открыть. А что ты тут делаешь с цветами на коленях, спишь, что ли, спросила жена.

И, не дожидаясь ответа, принялась подбирать осколки вазы, затирая лужу с некоторым вызовом, а приговаривать — с досадой, которую и не трудилась скрыть: Мог бы, между прочим, и сам, чем валяться на диване с таким

видом, будто ты ни при чем. Он молчал, опущенными веками оберегая себя, и: А что, если сейчас открою глаза и увижу, словно разрядом тока пробила его неожиданная мысль, жгучая надежда. Подойдя поближе, жена заметила окровавленный платок, и раздражение ее моментально угасло: Бедненький, как это ты умудрился, жалостливо приговаривала она, разматывая импровизированную повязку. Тогда он всеми силами души пожелал увидеть жену, стоящую на коленях возле дивана, а потом, уже зная, что не увидит, открыл глаза. Проснулся наконец, соня ты этакий, с улыбкой проговорила она. Я ослеп, сказал он, я не вижу тебя. Перестань, сказала она, что за глупые шутки. Дорого бы я дал, чтобы это была шутка, только я и вправду ослеп и ничего не вижу. Пожалуйста, не пугай меня, посмотри на меня, вот сюда, сюда, я здесь, и свет горит. Я знаю, что ты здесь, я слышу тебя и ощущаю, я понял, что ты зажгла свет, но ничего не вижу. Она заплакала, вцепилась в него, ухватила за плечи: Неправда, скажи, что это неправда. Цветы рассыпались по полу, из пораненного пальца вновь закапала кровь, а он тоном, каким говорят: Все не так уж скверно, пробормотал: Все сплошь какое-то белое, и улыбнулся печально. Жена села рядом, крепко обняла, осторожно поцеловала его лоб, щеки, нежно и бережно прикоснулась губами к глазам: Все пройдет, вот увидишь, все скоро пройдет, ты ведь не болел, так не бывает, чтобы вдруг, ни с того ни с сего. Да, наверно. Расскажи мне все, что ты почувствовал, как это случилось, где, когда, нет, постой, прежде всего надо посоветоваться с окулистом, у тебя есть какой-нибудь знакомый доктор. Нет, ни ты, ни я не носим очков. А если поехать в больницу. Для слепых неотложной помощи нет. Ты прав, лучше проконсультироваться с окулистом, сейчас найду в адресной книге такого, кто принимает неподалеку от нас. Поднялась, спросила: Есть разница. Ты о чем. Я погасила свет, ты заметил какую-нибудь перемену. Нет, ничего. Что значит — ничего. Ничего, вижу

все ту же белизну, для меня темноты словно вообще не существует.

Он слышал, как жена шуршит перелистываемыми страницами, дует, чтобы разлепить их, как вздыхает и наконец произносит: Вот этот должен подойти, господи, хоть бы он согласился нас принять. Набрала номер, уточнила, туда ли попала, спросила, принимает ли доктор и может ли он взять трубку, нет-нет, он меня не знает, это очень срочно, да, пожалуйста, понимаю, ну что же, могу и вам сказать, но прошу немедленно передать доктору, дело в том, что мой муж внезапно ослеп, да-да, именно так, нет-нет, он не ваш пациент, он даже очки не носит и никогда не носил, у него стопроцентное зрение, как и у меня, я тоже превосходно вижу, да-да, большое спасибо, я подожду, здравствуйте, доктор, да, внезапно, по его словам, вокруг только белое, я сама не знаю, не успела толком расспросить, я только вернулась со службы и обнаружила его в этом состоянии, может быть, вы сами спросите, ах, огромное вам спасибо, мы немедленно, немедленно будем у вас. Слепец поднялся. Погоди, остановила его жена, сначала надо обработать твой палец, она вышла и через несколько мгновений вернулась с перекисью, йодом, ватой и прочим содержимым аптечки. Смазывая и перевязывая, она спрашивала: А где ты оставил машину, и внезапно: Но как ты доехал, ведь ты вести не мог, или это случилось уже дома. Нет, на улице, когда я остановился на светофоре, какая-то добрая душа довезла меня, машину мы оставили в переулке. Ну что, сказала женщина, идем, ты постоишь в подъезде, пока я подгоню, а где ключи. Не знаю, он мне их не вернул. Кто он. Добрая душа, которая привезла меня, обитает в теле мужчины. Но они должны быть где-то здесь. В комнате не ищи, он не прошел дальше прихожей. Где же они. Наверно, машинально унес их с собой. Только этого нам не хватало. Возьми запасную пару, потом найдем. Ладно, пошли, дай мне руку. Слепец сказал: Если